

Елена Палашек

В государстве рифм

Угли в бассейне

Пылает закатное небо,
и падают угли в бассейн.
Был день удивительно нервный.
Я лягу красивой в постель,
не спать, дожидаться рассвета:
любимый сегодня в пути.
Приедет сказать мне «прости»
за это горячее лето.
Прощу, а потом, как в кино,
все будет обычно, банально:
свеча, дорогое вино,
но это не принципиально.
Тесны и сарай, и шалаш,
дворцы, путешествия точно
не блажь, не мираж.
Мой багаж
доставила новая почта
вчера. Не спешу разбирать,
а может, я просто устала.
Легла я красивой в кровать
на гладь простыни, покрывало
отбросив, не спать.
Все равно,
мечтать нелегко на закате

и знать, что свеча и вино
банальности в кинопрокате.

* * *

Я эмигрантка в государстве рифм.
На переезд согласья не давая,
приехала туда совсем чужая.
И, примеряя одеянья нимф,
пыталась доказать, что не нагая.
Любое государство – есть закон
и рамки этикета, и элита.
А кто, как я, с законом не знаком,
тот предпочтет наряд космополита.
И мир во мне, и я почти в миру,
беспомощна, правитель не унижен.
Закон снаружи, вольно же нутру,
будь то в Афинах, в Риме иль в Париже.

* * *

...кому суждено быть королевой и королем
в то время, которое пахнет падением, гривной, рублем.
Мне охота.
Но квота на королев,
не успев утвердить счастье мирно,
наплевав на падение гривны,
одурев, обнаглев (ну, такое),
загоняет нас в царственный хлев,
где нам пахнет немного покоем.

Поклон

Мне не сложно и нелегко,
я бояться уже забыла,
но парным, словно... молоко

вспоминается то, что было.
Забывается то, что есть,
и свободна моя свобода:
не вынашивать в чреве месть
и не ждать своего ухода.
Не словам доверяю, делам,
отгораживаюсь занавеской.
Мой поклон всем предавшим, вам,
мой поклон до земли одесской.

* * *

Мы стали наркозависимыми от безысходности.
Наши бонусы – враки и подлости.
Человечность от профнепригодности
перестала быть человечностью.

На иголку надежды подсажены,
пересудами обезображены,
не себе, но кому-нибудь скажем мы,
что сердечность грешит быстротечностью.

Политичность чужой отсебятины
заполняет надежды пустые.
Стены, двери хранят дыры, вмятины.
Лбы разбитые стены простили.

Кузнецову

В какой тональности поет твоя душа,
о чем сыграешь на пороге мира,
как проще жить, вразлет иль не спеша?
Об этом Юру я спросить забыла.
В полете руки кажутся родней:
летают снова руки над роялем.

Я не могу винить родных людей
за то, что миг и краток, и финален.
В какой тональности мне о печали петь,
когда скорбит со мной моя Пальмира?
Кому нужна безвременная смерть?
Об этом Юру я спросить забыла.

